

Проблемы и перспективы исследования эмоционального значения

© Е. Ю. Мяжкова, 2000

Для выяснения вопроса о том, как представлены эмоции в структуре значения слова как единицы индивидуального лексикона, необходимо, прежде всего, определить, что собственно мы собираемся исследовать. С этой целью придется еще раз обратиться к психологическим исследованиям эмоций. Прежде всего, следует согласиться с тем, что, говоря об эмоциях, мы имеем в виду исключительно сложный феномен, не поддающийся непосредственному наблюдению. Отличительной чертой всех явлений, связанных с аффективной стороной психики человека, является то, что задействованные в ней процессы осуществляются на разных уровнях осознания [Хомская, Батова 1998]. Кроме того, и именно в силу этого, очень трудно в каждом конкретном случае разделить, например, аффективную и когнитивную стороны деятельности, поскольку “сами эмоции человека представляют единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального” [Рубинштейн 1989 б: 141]. Говоря об эмоциональных характеристиках слова как единицы лексикона, следует иметь в виду, что как средство доступа к единому информационному тезаурусу [Залевская 1990] слово задействует разнообразные психические процессы и результаты этих процессов, в которых эмоциональное и интеллектуальное представляют неразделимое целое.

Для того, чтобы представить, что составляет основу эмоциональности слова, полезно обратиться к понятию переживания, обсуждаемому в теории деятельности, которая разрабатывается в отечественной психологии. В концепции С. Л. Рубинштейна переживание, существующее в единстве и взаимопроникновении со знанием, всегда представлено в любом психическом факте [Рубинштейн 1989 а: 3]. Следует подчеркнуть, что противопоставление переживания и знания является относительным, поскольку “в целостных психических явлениях эти два полюса всегда выступают в диалектическом единстве формы и содержания” [Вилюнас 1989: 53], причем речь в данном случае идет не только о сознании как высшей форме отражения, но и элементарных психических образованиях [Рубинштейн 1989 а: 13].

Специфика переживания состоит в том, что “пережить — это значит не просто субъективно испытать, а испытать непременно особо, как-

то специфически, и это “как-то” непосредственно схватывается субъектом на изначально ему доступном сложном языке, который только в развитых формах психики становится частично вербализуемым, причем с иллюзией принадлежности вербализованных отстоявшихся форм исключительно полюсу знания и объекта” [Виллонас 1989: 55]. Именно на основе таких чувств-переживаний и формируются эмоциональные реакции, которые мы привыкли называть собственно эмоциями. Следует обратить особое внимание на то, что сложный язык, изначально доступный субъекту для “схватывания” чувства-переживания является лишь *частично* вербализуемым, а отстраненность вербализованных (отстоявшихся) форм от субъекта – всего лишь *иллюзия*.

Выше уже говорилось о трудности определения самого феномена эмоции. Критикуя существующие определения как недостаточные, Л. М. Веккер считает, что шагом вперед на пути определения сущности эмоциональных явлений будет их определение как “*отражения* отношений субъекта к объектам окружающей реальности” [Веккер 1998: 374]. Именно с представлением об эмоциональных процессах как отражении отношений автор связывает понятие переживания, которое трактуется как “непосредственное отражение самим субъектом своих собственных состояний, а не свойств и отношений внешних объектов, поскольку даже непосредственное психическое отражение свойств и отношений внешних объектов есть знание об этих свойствах и отношениях, а не переживание в собственном смысле этого понятия” [Op. cit.: 381]. Отсюда следует признание двухкомпонентности структурной формулы эмоции: одним из ее членов является психическое отражение объекта эмоции, другим – психическое отражение ее субъекта-носителя. Учет такой двухкомпонентности эмоциональных явлений позволит разрешить многие проблемы, связанные с интерпретацией поведенческих и вербальных коррелятов эмоций, в частности, их амбивалентных характеристик, см. об этом [Мягкова 1990].

Сформулированное В.К. Виллонасом представление о чувствах-переживаниях хорошо согласуется не только с концепцией Л.М. Веккера, но и с понятием чувственной ткани в модели образа сознания (“психосемиотическом тетраэдре”) Ф. Е. Василюка [Василюк 1993]. В его концепции содержание образа характеризуется как чувственная ткань, представляющая собой многомерную субстанцию, в достаточной степени дифференцированную, которая “сгущается” вблизи полюсов образа и получает здесь сильные характеристики, специфические для каждого полюса. Вдали от полюсов можно предположить наличие интерференций чувственных тканей, идущих от разных полюсов [Op. cit.: 18]. “Полюсы” образа в обсуждаемой модели представлены предметным содержанием

образа, личностным смыслом (чувственной тканью которого являются эмоции), значением и словом (знаком), причем эти полюсы являются представителями предметного мира, внутреннего мира, мира культуры и мира языка соответственно.

На уровне, исследуемом лингвистикой, в слове фиксируется то, что выводится на уровень сознания через полюс культуры и получило свое название в языке, поскольку именно посредством речи как “специфического интегратора” человеческая психика переводится на уровень сознания [Веккер 1998: 614]. Понятно, что эмоции социально и культурно детерминированы, и именно социальная детерминация объясняет возникновение той или иной эмоции. Культурно-историческая детерминация в значительной степени определяет и формы выражения эмоций [Хомская, Батова 1998: 12]. И хотя считается, что представители разных культур испытывают универсальные эмоции, распределение этих универсальных эмоций, их интенсивность и способы их выражения специфичны для носителей разных языков.

Понятно также, что в поле зрения лингвистики попадает лишь небольшая часть “отстоявшихся” явлений. Тем не менее, говоря о том, что каждое слово отображает переживание, мы должны иметь в виду и “спрятанные”, неосознаваемые эмоции (которые “растворяются” в чувственной ткани). С психолингвистической точки зрения, таким образом, каждое слово “выводит” нас в сложный мир переживаний, которые не всегда могут быть отображены сознанием и дифференцированы. Более того, “не только ребенок, но и взрослый человек многие “житейские” понятия скорее чувствует, чем знает”, поскольку обладает некоторой “обобщенной чувственной инвариантой” [Вилюнас 1989: 56]. Можно предположить, что это утверждение справедливо не только по отношению к “житейским” понятиям, но и к огромному количеству слов другого характера, например, к сложным абстрактным понятиям, заимствованным словам и (как ни странно) научным терминам.

На основании сказанного выше представляется возможным сделать вывод о том, что феномен, обсуждаемый в психолингвистических исследованиях как эмоциональный компонент значения слова как единицы лексикона, представляет собой комплекс связанных со словом переживаний, которые вряд ли могут быть дифференцированы подобно тому, как выделяются эмотивный, оценочный и другие компоненты коннотации в лингвистическом анализе. Специфика этого комплекса будет определяться совокупностью составляющих его элементов, разным уровнем их осознаваемости и социально-культурной опосредованности, а также индивидуальными особенностями репрезентирования информации. В этом комплексе соединяются как сиюминутные субъек-

тивные впечатления, так и опосредованные культурой отношения и эмоции. Тем не менее, можно поставить вопрос о *принципиальной возможности* описания данного феномена.

Попытка ответить на этот вопрос, однако, потребует рассмотрения целого ряда проблем. Первыми в этом ряду стоят проблемы, связанные с процессами формирования единой базы знаний и становления значения слова (что предполагает рассмотрение моделей овладения языком), участием аффекта в процессах категоризации (выборе оснований для формирования категорий). Далее придется уточнить, каким образом связанные со словом переживания могут фиксироваться в индивидуальной картине мира, какие из них будут примерно одинаковыми (общими) для всех (или большинства) носителей данного языка, а какие – индивидуальными. Следует также обратить внимание и на то, каким образом меняется эмоциональный ореол слова в процессе жизни человека и от чего могут зависеть эти изменения. Иначе говоря, необходимо представить, как “встраивается” чувственная ткань в стоящий за словом “образ сознания” [Василюк 1993] и как из этой чувственной ткани “вырастают” описываемые языком эмоции. Для этого, однако, придется использовать специальные методики исследования, выбор которых также представляет довольно сложную проблему.

Л и т е р а т у р а

1. *Василюк Ф. Е.* Структура образа // Вопросы психологии, 1993, № 5. С.5 — 19.
2. *Веккер Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
3. *Виллюнас В. К.* Перспективы развития психологии эмоций // Тенденции развития психологической науки. М., 1989. С. 46-60.
4. *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
5. *Мяжкова Е. Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.
6. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. Т.1. М., 1989 а.
7. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. Т.2. М., 1989 б.
8. *Хомская Е. Д., Батова Н. Я.* Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование. М., 1998.